

misterium

misterium

**АЛЕКСАНДР
СОДЕРБЕРГ**

ЕЕ АНДАЛУЗСКИЙ ДРУГ

ЭКМО
Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Шве)
С 57

Alexander Söderberg
DEN ANDALUSISKA VANNEN

Copyright © Alexander Soderberg, 2012
Published by agreement with Salomonsson Agency

Содерберг А.

С 57 Ее андалузский друг / Александр Содерберг ; [пер. с швед. Ю. Колесовой]. — М. : Эксмо, 2013. — 480 с.

ISBN 978-5-699-67063-5

София, медсестра из Стокгольма, жила обычной размеренной жизнью вдали от мирских сует. Но когда ее пациентом стал Гектор Гусман — несгибаемый, способный бросить вызов судьбе и в то же время искренний, романтичный, — жизнь Софии резко изменилась. Он понравился ей сразу, и между ними завязалось нечто вроде дружбы «открытых сердец». София не знала, что Гектор является одним из руководителей испанской мафиозной структуры, осуществляющей поставки кокаина из Парагвая в Швецию. В это время полиция, сидящая «на хвосте» у Гусмана, начинает использовать Софию как рычаг воздействия на ее андалузского друга. И приятное знакомство оборачивается для женщины настоящим кошмаром, в котором даже случайный прохожий может оказаться смертельным врагом...

**УДК 82(1-87)
ББК 84(4Шве)**

ISBN 978-5-699-67063-5

© Колесова Ю. В., перевод на русский язык, 2012
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Пролог

Ее взгляд метался между зеркалом заднего вида и дорогой. Мотоцикла она не увидела — во всяком случае, в тот момент. Он только что промелькнул в поле зрения, почти встав на дыбы, и снова исчез из виду. Она держалась в крайнем ряду скоростной трассы, стараясь укрыться за другими машинами.

Мужчина, сидевший на пассажирском сиденье, все время оглядывался назад, пытаясь направлять ее. Она не слышала слов — только панику в его голосе.

Очертания мотоцикла снова возникли в дрожащем зеркале, исчезли, появились снова — он зигзагами пробирался за машинами позади них. Она резко выехала в крайний левый ряд, надавив всем своим весом на педаль газа. Автомобиль завибрировал от мощных оборотов мотора — преодолевая тошноту, она включила последнюю, пятую передачу.

У ног свистел ветер — должно быть, пули попали в корпус машины. Потоки воздуха завывали в отверстиях, сливаясь с гудением мотора — жуткий звук, буквально впивавшийся в тело. Она не помнила, как долго ехала, прежде чем раздались выстрелы — неожиданные, невероятные. Она заметила, что у водителя мотоцикла на голове синий шлем с темным щитком, а у стрелка, сидящего у него за спиной, — черный, без щитка. На долю секунды их взгляды встретились — она успела заметить пустоту в его глазах.

Их обстреляли слева, звуки выстрелов вдруг возникли из ниоткуда, пули загрохотали по металлу. Внутри машины что-то зазвенело, словно кто-то ударил цепью по железному листу. В следующую секунду она услышала крик, но даже не поняла, кто кричал — она сама или ее спутник. Она бросила на него быстрый взгляд. Он мгновенно изменился — на его лице отразились страх и нервозность, сменяющиеся гневом. Застывший взгляд, морщинка на лбу, подергивания в уголке глаза. Он снова набрал короткий номер на своем телефоне. Во второй раз с того момента, как их обстреляли, ждал, прижав трубку к уху, устремив вперед невидящий взгляд, но, не дождавшись ответа, нажал на кнопку отключения.

И снова мотоцикл на полной скорости стал приближаться к ним. Ее спутник крикнул, чтобы она ехала быстрее. Однако она понимала, что скорость их не спасет, и уж тем более его крики. Во рту она ощущала металлический привкус, в голове гудело. Паника перешла все пределы, руки уже не дрожали, просто налились свинцом, словно вести машину было физически тяжело. А мотоцикл снова поравнялся с ними, как непобедимый враг. Бросив быстрый взгляд влево, она увидела короткий ствол пистолета, наведенного прямо на нее, и инстинктивно пригнулась. Пистолет изрыгал из себя пули, жесткие удары отдавались во всем корпусе машины, боковое окно разбилось, обдав ее дождем осколков. Она лежала на дне машины, низко опустив голову, продолжая давить ногой на газ. Автомобиль несся вперед сам по себе — она понятия не имела, что происходит перед ними на дороге. Успела заметить, как ее спутник открыл бардачок, в котором оказалось несколько запасных магазинов, увидела у него в руках пистолет. Затем — удар, скрежет железа по металлу. Отвратительный звук с правой стороны, когда машина врезалась в металлическое ограждение трассы. Скрип и завывание, автомобиль накрепко накренился, запахло паленым.

Она выпрямилась, вырулила, выровняла машину и снова оказалась на проезжей части, бросила взгляд через плечо — мотоцикл держался чуть наискосок позади них. Ее спутник громко выругался, перегнулся через нее и трижды выстрелил

через ее окно. Выстрелы оглушительно прогрохотали в машине, мотоцикл притормозил и исчез из виду.

— Сколько нам еще ехать? — спросила она.

Он посмотрел на нее, словно не понимая вопроса, затем, наверное, услышал его, как эхо, отдававшееся в голове.

— Не знаю...

Она вжала педаль в пол, стрелка спидометра задрожала, машину занесло на большой скорости. Снова быстрый взгляд в зеркало заднего вида.

— Он опять здесь, — проговорила она.

Мужчина попытался открыть окно на своей стороне, однако при столкновении с ограждением дверь сильно пострадала и стекло заклинило. Опершись об нее, он поднял правую ногу и мощным ударом разбил стекло. Осколки посыпались наружу. Рукояткой пистолета он выбил оставшееся, высунулся из окна и выстрелил в преследователя, который успел снова отдалиться от них. Она поняла всю безнадежность их ситуации. Тон задавал мотоцикл.

Стало тихо, словно кто-то выключил звук. Они неслись вперед по шоссе, глядя прямо перед собой, стараясь свыкнуться с мыслью о неизбежной, подступающей к ним вплотную смерти, — бледные, не способные понять происходящее. У него был печальный вид, голова упала на грудь, в глазах застыло выражение горькой обреченности.

— Скажи хоть что-нибудь! — громко потребовала она, по-прежнему крепко держа руль и не отрывая глаз от дороги.

Поначалу он не ответил, погрузившись в свои мысли. Потом повернулся к ней:

— Прости меня, София!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Стокгольм, шестью неделями раньше, май

1

Ей часто говорили, что по виду и манере держаться она не похожа на медсестру. София так и не поняла до конца, комплимент это или оскорбление. У нее были длинные темные волосы и зеленые глаза, в которых притаился смех. На самом деле она далеко не всегда собиралась смеяться — это было лишь внешнее впечатление. Она как будто родилась с этой лукавой искоркой в глазах.

Лестница скрипела у нее под ногами. Этот дом — небольшая желтая вилла постройки 1911 года с мелкой расстекловкой окон, блестящими старинными паркетными полами и малюсеньким садом — был ее местом на земле, об этом она догадалась с первого взгляда.

Окно кухни открыто, за ним царит тихий весенний вечер. Запахи, доносившиеся из сада, наводили на мысль скорее о лете, чем о весне. На самом деле до лета оставалось еще несколько недель, но жара настала преждевременно и не пожелала уходить. Хозяйка дома была благодарна теплу и наслаждалась им — ей нравилось держать двери и окна нараспашку, свободно перемещаться из дома в сад и обратно.

Вдалеке слышался гул мопеда, на дереве пел дрозд и какие-то другие птицы, названий которых она не знала.

София достала посуду и накрыла стол на двоих, поставив самые красивые тарелки, самые изящные бокалы и положив самые дорогие приборы, изо всех сил стараясь избежать обыденности. Она понимала, что ужинать ей придется в одиночестве, — Альберт ел, когда испытывал голод, а это редко совпадало с ее расписанием. Вот на лестнице раздались его шаги — быстрое постукивание кроссовок по ступенькам, чуть тяжеловатое, чуть грубоватое. Альберта менее всего беспокоил шум, который он производил. София улыбнулась ему, когда он вошел в кухню, он ответил лукавой мальчишеской улыбкой, распахнул дверь холодильника, замер, изучая содержимое.

— Закрой холодильник, Альберт!

Он продолжал стоять неподвижно. София поднесла вилку ко рту, рассеянно перелистывая газету. Потом подняла глаза, еще раз повторила ту же фразу, на этот раз — с ноткой раздражения в голосе.

— Я не могу пошевелиться... — проговорил он театральным шепотом.

Она рассмеялась — не столько его неуклюжей шутке, сколько самой манере. Когда он начинал что-то разыгрывать, она радовалась — и даже гордилась им.

— Ну, чем ты сегодня занимался? — спросила она.

Она видела, что он вот-вот рассмеется. Это было в его духе, ему самому всегда очень нравились его собственные шутки. Альберт достал из холодильника бутылку минеральной воды, захлопнул дверцу и уселся на столешницу рядом с мойкой. В бутылке забурлило, когда он отвернул пробку.

— Все просто спятили, — сказал он и отпил глоток.

Альберт начал рассказывать о своем дне — отрывочно, отдельными фрагментами, всплывающими в его памяти в произвольном порядке. Она с улыбкой слушала, как забавно он высказывается об учителях и товарищах. Альберт явно наслаждался тем, что ей нравится его слушать, — но рассказ внезапно закончился. София так и не научилась предчувствовать, когда это произойдет, — просто он умолкал, словно устав от себя и собственного остроумия. Ей хотелось протянуть к нему

руки, попросить его остаться, продолжать веселить ее своими милыми и одновременно ироничными рассказами. Однако это не срабатывало. Раньше она уже пробовала удержать его, но ничего хорошего не выходило, так что она позволила ему уйти.

Он исчез в холле. Тишина. Наверное, он переобувался.

— Ты должна мне тысчонку.

— За что?

— Сегодня приходила тетка-уборщица.

— Так не говорят.

Она услышала, как зажужжала молния у него на куртке.

— А как тогда говорят?

Она не могла сообразить. Он уже стоял в дверях.

— Пока, мамочка! — Голос его неожиданно зазвучал нежно.

Дверь захлопнулась, София услышала шаги сына по дорожке под распахнутым окном.

— Позвони, если задержишься! — крикнула она ему вслед.

Вечер София провела как обычно — убрала со стола, навела порядок в кухне, посмотрела телевизор, позвонила подруге, чтобы поболтать ни о чем. Потом пошла и легла, попыталась читать книгу, лежавшую у нее на ночном столике: о женщине, которая обрела новый смысл жизни, начав помогать бездомным детям в Бухаресте. Книга оказалась скучной, а женщина — претенциозной. У Софии нет с ней ничего общего. Закрыв книгу, она заснула — как всегда, одна в своей постели.

Спустя восемь часов прозвонил будильник, заведенный на четверть седьмого. София поднялась, собралась, протерла зеркало в ванной, которое при запотевании оказывалось исписанным разными словами: Альберт, «АИК»¹ и чем-то еще неразборчивым, что сын писал пальцем на зеркале, пока чистил зубы. Сколько раз она просила его так не делать! Он не обращал внимания, и где-то в глубине души ее это почему-то радовало.

¹ Шведский футбольный клуб.

Одевшись, она наскоро перекусила, читая первую страницу утренней газеты. Скоро пора отправляться на работу. Раза три ей пришлось крикнуть Альберту, что пора вставать, и четверть часа спустя она села на велосипед, чтобы свежий утренний ветерок помог ей окончательно проснуться.

Он проходил под кличкой Джинс. Они всерьез поверили, что его так зовут. Смеялись, показывали на свои брюки. Джинс!

На самом же деле его звали Йенс, и сейчас он сидел в сарае среди джунглей Парагвая с тремя русскими. Главного у них звали Дмитрием. Это был высокий долговязый парень лет тридцати с лицом ребенка — ребенка, родители которого доводились друг другу родней. Его дружки, Гоша и Виталий, того же возраста — их родители, похоже, состояли в еще более тесном родстве. Парни постоянно смеялись, глаза у них широко расставлены, рты полуоткрыты — судя по всему, они не очень понимали, что происходит.

Дмитрий смешал в пластмассовой канистре сухой мартини, добавил оливки, потряс, разлил по небрежно ополоснутым кофейным чашкам, пролив немного на стол, а затем поднял тост, произнеся что-то по-русски. Его дружки загоготали, все выпили напиток, имевший привкус дизельного топлива.

Йенсу все они активно не нравились. Жуликоватые, неопрятные, нервные... Он старался не показывать своего отвращения, но это плохо получалось — скрывать свои чувства ему всегда было трудно.

— Давайте посмотрим на товар, — предложил он.

Русские возбудились, как дети при виде Деда Мороза. Йенс вышел из сарая к джипу, припаркованному на грязном, слабо освещенном дворе.

Он понятия не имел, зачем эти русские притазились в Парагвай, чтобы посмотреть на товар. Обычно покупатель заказывал у него что-то, а он поставлял и получал деньги, никогда не встречаясь с заказчиком. Но здесь было что-то другое — словно вся сделка, сама покупка оружия казалась им увлека-

тельным приключением. Какими делишками занимались эти парни, он не знал и знать не хотел. Его это не волновало. Они приехали, чтобы посмотреть на товар, пострелять на пробу, надышаться кокаина, потрахаться с проститутками и внести ему второй платеж из трех.

Он привез с собой один «MP7»¹ и один автомат «Steuer AUG»². Остальное оружие лежало на складе в Сюидад-дель-Эсте — упакованное, готовое к отправке.

Русские похватили оружие и стали шутливо целиться друг в друга, выкрикивая: «Hands up! Hands up!» Они хохотали, кричали, движения их были отрывисты. У Дмитрия в щетине застряли крошки кокаина.

Гоша и Виталий подрались из-за «MP7», дергая его каждый на себя и молотя друг друга кулаками по голове. Дмитрий разнял их и снова достал канистру с сухим мартини.

Йенс наблюдал за ними, стоя чуть поодаль, понимая, что дело скоро пойдет слишком далеко. В ближайшее время вернуться парагвайцы, поехавшие за проститутками, чтобы продемонстрировать свое гостеприимство. Русские еще больше нанюхаются, напьются и начнут палить из всего подряд. Йенс заранее знал, что произойдет, но ничего не мог сделать, — ситуация неуправляема. Более всего ему хотелось уехать прочь, однако он вынужден находиться тут до рассвета, без сна, оставаясь трезвым, чтобы получить деньги, когда Дмитрий соизволит с ним расплатиться.

— Джинс, где у тебя эти гребаные патроны?

Он молча указал на джип. Русские распахнули дверцы и принялись шарить внутри. Йенс засунул руку в карман, где еще оставалась одна никотиновая жвачка. Жевать табак он бросил двумя месяцами ранее, а курить — три года назад. Однако сейчас он находился в джунглях в четырех милях от Сюидад-дель-Эсте, и никотиновые рецепторы в мозгу на-

¹ Компактный пистолет-пулемет немецкого производства.

² Армейская универсальная винтовка австрийского производства, стреляющая как одиночными выстрелами, так и очередями.

стойчиво напоминали о своем существовании. Засунув в рот последнюю пластинку, он стал яростно жевать, с отвращением наблюдая за русскими и понимая, что скоро снова начнет курить.

Приходя в больницу, София полностью отдавалась работе. Времени на что-то другое практически не оставалось, к тому же ей не нравилось пить кофе с коллегами — в такой обстановке она чувствовала себя скованно. Не то чтобы она стеснялась — наверное, в ней есть какой-то дефект, она просто не умеет говорить пустые фразы за чашкой кофе. В больнице София работала ради пациентов, а не из набожности или желания помогать другим. Она умела говорить с ними, находить общий язык. Они попадали туда из-за болезни, поэтому по большей части были самими собой, — открытые, человеческие, искренние. С ними она чувствовала себя в своей стихии. Именно это и привлекало ее в работе. Пациенты не говорили о пустяках — лишь тогда, когда поправлялись, и тут она покидала их, а они — ее. Вероятно, именно поэтому София с самого начала выбрала эту профессию.

Значит, она живет за счет чужого горя? Возможно, и так, однако она не чувствовала себя паразитом. Это скорее зависимость. Она зависима от откровенности других, открытости, от возможности различить иногда проблески той истиной сущности человека, которая так нечасто проглядывает из-под внешней мишуры. Те пациенты, в суть которых ей удавалось заглянуть, становились ее любимцами. Любимцы практически всегда оказывались людьми степенными — она сама применяла к ним это слово. И когда они появлялись, она словно застывала на мгновение, пытаясь понять и осмыслить их, удивлялась и чувствовала, как ее переполняет смутная надежда. Несгибаемые люди, способные улыбнуться судьбе, наделенные некоей степенностью, — она всегда сразу же узнавала их с первого взгляда, хотя не смогла бы объяснить, как и почему. Редкие люди, у которых душа похожа на цветущий сад, — люди, предпочитающие лучшее хорошему, не боящиеся

взглянуть в лицо самим себе и увидеть все свои стороны, даже темные и скрытые.

Взяв поднос, София направилась к Гектору Гусману в одиннадцатую палату. Мужчину привезли тремя днями ранее после того, как его сбила машина на пешеходном переходе в центре города. У него был перелом правой ноги ниже колена. Кроме того, врачи заметили травму селезенки и оставили его в больнице для наблюдения. На вид Гектору можно дать лет сорок пять — красивый, но не слащавый, большой, но не грузный. Он был испанец, но в его облике Софии чудились скандинавские черты. Темные волосы кое-где казались почти русыми. Нос, скулы и подбородок четко очерчены, а кожа имеет золотистый оттенок. Он свободно говорил по-шведски и, вне всяких сомнений, относился к «степенным» — может быть, из-за внимательных глаз, придававших особую красоту его лицу, или из-за той легкости, с которой он держался, несмотря на высокий рост. А может быть, из-за того неподдельного безразличия, с которым он улыбался ей каждый раз, когда она входила в палату, — словно понимая, что она все понимает, отчего ей тоже хотелось улыбнуться ему.

Гектор сидел, откинувшись на спинку кровати, с книгой в руках и очками на носу, делая вид, что погружен в чтение. Когда медсестра заходила в палату, он всегда притворялся, что очень занят и не замечает ее.

София распределила таблетки, разложила в маленькие пластмассовые стаканчики и протянула ему один из них. Он взял его, не отрывая глаз от книги, положил таблетки в рот, взял у нее из рук стакан и запил водой, по-прежнему сосредоточенно глядя в книгу. Она дала ему второе лекарство, с ним он поступил так же.

— Всегда исключительно вкусно, — негромко проговорил Гектор и поднял на нее глаза. — Сегодня на тебе новые серьги, София.

Женщина невольно поднесла руку к уху.

— Может быть, — ответила она.

— Нет-нет, не может быть, а точно, у тебя новые серьги, и они тебе очень к лицу.

Она подошла к двери и открыла ее.

— Можно мне стаканчик соку? Если можно...

— Можно, — ответила София.

В дверях она встретила человека, который представился ей ранее как кузен Гусмана. На самом деле он был совершенно не похож на Гектора — стройный, но мускулистый, высокий, черноволосый, с холодными голубыми глазами, которые, казалось, регистрировали каждую мелочь, каждую деталь. Кузен коротко кивнул ей и сказал что-то Гектору по-испански. Тот ответил, и оба засмеялись. Софии показалось, что шутка имеет отношение к ней, и она забыла про сок.

Гунилла Страндберг сидела в коридоре с букетом цветов в руках и видела, как медсестра вышла из палаты Гектора Гусмана. Гунилла внимательно рассмотрела ее. Не радость ли она заметила в ней? Ту особенную радость, которую человек излучает, сам того не подозревая. Женщина прошла мимо посетительницы. На кармане был прикреплен бейдж, Гунилла успела прочесть имя — София. Она проводила женщину взглядом. У той было красивое лицо — благородное, тонкое, светившееся здоровьем. Медсестра двигалась легко, словно едва касаясь ногами земли. В ее походке было нечто элегантно. Гунилла проводила ее взглядом, пока та не скрылась в другой палате.

Гунилла задумалась. Ее мысли строились на знании человеческих эмоций. Она снова посмотрела в ту сторону, куда ушла София, потом на одиннадцатую палату, где лежал Гектор Гусман. Что-то их связывало. Скрытая энергия, поток чего-то, незаметного глазу. Выходя из палаты, медсестра унесла с собой частичку чего-то необъяснимого.

Гунилла поднялась, прошла по коридору, заглянула в комнату для персонала. Там было пусто. На стене висела схема дежурств на неделю. Быстро оглянувшись, Гунилла зашла в комнату, подошла к схеме и стала водить по ней пальцем.

«Хелена...

Рогер...

Анна...

Карро...